

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОЛЬЗОВАТЬСЯ УСЛУГАМИ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Татьяна Павловна Пестова

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
pestovatp@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4585-9324>*

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию одной из ключевых гарантий защиты прав участников производства по делам об административных правонарушениях как надлежащее обеспечение права пользоваться услугами переводчика. Цель исследования — изучение специфики применения отдельных средств механизма обеспечения права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях и разработка предложений по усовершенствованию норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), направленных на создание условий для эффективной реализации права пользоваться услугами переводчика. Методы исследования: системный, логический, формально-юридический. При исследовании проблемных аспектов механизма обеспечения права пользоваться услугами переводчика, выявлены вопросы, которые находятся за пределами правового установления. В связи с чем, автором вносятся предложения по внесению изменений и дополнений в ст. 25.10 КоАП РФ в части определения категорий переводчиков, их компетентности, разрешения вопроса инициативы привлечения в дело переводчика.

Ключевые слова: ходатайство о переводчике, компетентность переводчика, судебный переводчик, поиск переводчика

Для цитирования: Пестова Т. П. Обеспечение права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 53–59.

Research article

ENSURING THE RIGHT TO USE THE SERVICES OF AN INTERPRETER IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Tatyana P. Pestova

*South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
pestovatp@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4585-9324>*

Abstract. This work is devoted to the study of one of the key guarantees for the protection of the rights of participants in proceedings in cases of administrative offenses as an appropriate guarantee of the right to use the services of an interpreter. The purpose of the study is to study the specifics of the use of certain means of the mechanism for ensuring the right to use the services of an interpreter in proceedings on administrative offenses and to develop proposals for improving the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation aimed at creating the necessary conditions for the effective implementation of the right to use the services of an interpreter. Research methods: systemic, logical, formal legal. When studying the problematic aspects of the mechanism for ensuring the right to use the services of an interpreter, issues that are outside the legal establishment were identified. In this connection, the author makes proposals for amendments and additions to Art. 25.10 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, in terms of determining the categories of translators, their competence, resolving the issue of the initiative to involve an interpreter in the case.

Keywords: application for an interpreter, competence of an interpreter, court interpreter, search for an interpreter

For citation: Pestova TP. Ensuring the right to use the services of an interpreter in proceedings on cases of administrative offenses. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):53-59. (In Russ.)

Введение

Проблемы доступности государственного языка лицам, не владеющим или в недостаточной мере владеющим таким языком, вызывают сложности при коммуникации данной категории граждан с уполномоченными должностными лицами органов государственной власти и управления, а также при реализации прав, свобод, обязанностей в рамках тех или иных публичных правоотношений. Подобного рода проблемы свойственны и для производства по делам об административных правонарушениях.

В производстве по делам об административных правонарушениях доступность языка обеспечивается через установление в нормах КоАП РФ не только права выступать и давать объяснения, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на родном для участника производства языке либо на другом свободно избранном им языке общения, но и права пользоваться услугами переводчика.

Закон устанавливает: требования, которым должно соответствовать лицо, привлекаемое в качестве переводчика; обязанности переводчика; полномочия суда, органа, должностного лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении (далее — субъект административной юрисдикции) о предупреждении переводчика об административной ответственности за выполнение заведомо неправильного перевода; основания привлечения переводчика к административной ответственности; основания для отвода и самоотвода переводчика. Но, за пределами правового установления в настоящее время остаются, например, такие вопросы, как: привлечение в производство по делу об административном правонарушении переводчика по инициативе субъекта административной юрисдикции; удостоверение в компетентности переводчика; поиск переводчика. Такие пробелы в нормах КоАП РФ отрицательно сказываются на качестве обеспечения права пользоваться услугами переводчика в рассматриваемом виде административно-юрисдикционного производства, а потому требуют разрешения путем усовершенствования положений ст. 25.10 КоАП РФ с целью создания необходимых условий для эффективной реализации права пользоваться

услугами переводчика теми участниками производства по делам об административных правонарушениях, которые не владеют или в недостаточной мере владеют таким языком.

Описание исследования

Обеспечение участия в производстве по делу об административном правонарушении переводчика является важнейшей гарантией защиты прав участников такого производства, в связи с чем несоблюдение такого права является существенным процессуальным нарушением¹.

Обеспечить реализацию рассматриваемой процессуальной гарантии призваны субъекты административной юрисдикции, причем, как отмечает О. Ю. Кузнецов, «фактически, переводчик должен вступить в процесс с момента определения процессуального статуса одного или нескольких его участников, не владеющих языком судопроизводства, в отношении которых он призван обеспечить лингвистическую поддержку» [1, с. 80].

На процессуальную роль переводчика назначает субъект административной юрисдикции посредством вынесения определения (если субъект административной юрисдикции — судья) или постановления (если субъект административной юрисдикции — орган, должностное лицо). Но, возникает вопрос о субъекте, который уполномочен инициировать привлечение для участия деле переводчика. Нормы КоАП РФ решение данного вопроса не урегулировали, что, по нашему мнению, является действительным пробелом, который отрицательно сказывается на реализации права пользоваться услугами переводчика с точки зрения его надлежащего обеспечения. На практике инициатива привлечь к участию в деле переводчика исходит либо от субъекта административной юрисдикции (идеальный вариант, по нашему мнению, с точки зрения надлежащего обеспечения права пользоваться услугами переводчика!), либо защитника, либо (и это самый

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 по делу № 19-АД19-10 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: vsrf.ru (дата обращения: 08.08.2022).

распространенный вариант), от лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Таким образом, участник производства по делу об административном правонарушении, который не обратился с ходатайством о привлечении к участию в деле переводчика, по сути, лишается права пользоваться его услугами. А для субъекта административной юрисдикции обязанность по обеспечению права пользоваться услугами переводчика возникает только в том случае, если он удовлетворяет соответствующее ходатайство. При этом, в удовлетворении ходатайства будет отказано, если субъект административной юрисдикции делает вывод о том, что участник производства владеет русским языком в достаточной степени для письменного и устного изложения, понимает суть происходящего. В качестве наглядного примера может послужить постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2020 № 16-7953/2020.

Но, подобная практика, если и не нарушает право пользоваться услугами переводчика, то, как минимум, не способствует должному обеспечению субъектами административной юрисдикции реализации рассматриваемой процессуальной гарантии. Как справедливо отмечает Я. Б. Жолобов, «непредоставление переводчика подрывает не только судебное решение, но и авторитет Российской Федерации» [2, с. 32].

Полагаем, что в независимости от наличия или отсутствия ходатайства о переводчике, а равно как и при отказе от переводчика, если для субъекта административной юрисдикции очевидно, что тот или иной участник производства по делу об административном правонарушении не владеет, или в не достаточной мере владеет языком производства, то ему необходимо решать вопрос о привлечении в дело переводчика.

Эффективность решения задачи субъектами административной юрисдикции по должному обеспечению права пользоваться услугами переводчика, зависит также и от разрешения вопроса об удостоверении в компетентности переводчика.

КоАП РФ не урегулирован вопрос о правомочии субъекта административной юрисдикции удостоверяться в компетентности переводчика (заметим, что в отличии от КоАП РФ, например, УПК РФ напротив, закрепляет правомочие следователя удостоверяться в компетентности переводчика). Также нормами КоАП РФ не установлена такая категория как «компетентность переводчика».

По мнению З. М. Большаковой и Н. Н. Тулькибаевой «любая человеческая деятельность оценивается обществом. Здесь уже не важно, чем человек владеет (знаниями, умениями, навыками и пр.), важна эффективность деятельности. Такой мерой и выступает компетентность» [4, с. 14].

В ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ предусмотрены только отдельные элементы когнитивной составляющей компетентности переводчика (владение языками, навыками сурдоперевода). Вместе с тем, помимо когнитивной составляющей (знаний, умений, навыков, практического опыта и прочее) компетентность включает и иные составляющие: операционно-технологическую, мотивационную, этическую, социальную, поведенческую.

Кроме того, при изложении текста правовой нормы в ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ, на наш взгляд, допущены нарушения языковых правил юридической техники при использовании терминов «владение языком», «навык сурдоперевода», а также сочинительного союза «или» при перечислении элементов когнитивной составляющей компетентности переводчика. Дело в том, что навык сурдоперевода — это только часть такого когнитивного элемента компетентности, как владение языком. Владение языком в общей педагогике и лингвистике понимается как сформированность речевых умений (способность выполнять сознательную речевую деятельность, направленную на решение коммуникативных задач) и речевых навыков (операционный уровень речевой деятельности). Такие нарушения правил юридической техники могут привести к ошибочной интерпретации ч. 1 ст. 25.10 КоАП.

Придерживаясь позиции Н. Ю. Волосовой и Е. С. Шмелевой, которые считают, что «закондатель должен исходить не из свободного владения языком, знание которого необходимо для перевода, а из языковой компетентности переводчика» [3, с. 130], считаем, что в ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ необходимо указать на наличие именно компетентности переводчика как интегральной характеристики эффективности его деятельности при осуществлении перевода, исключив указание на владение языком или навык сурдоперевода.

Компетентность переводчика предлагается понимать, как качества переводчика, обеспечивающие эффективное выполнение деятельности по переводу языка производства по делу об административном правонарушении и языка, избранного участником производства по делу об административном правонарушении, не владеющего или

в недостаточной мере владеющего языком производства по делу об административном правонарушении.

Как уже было отмечено выше, законом не урегулирован вопрос о правомочии субъекта административной юрисдикции удостоверяться в компетентности переводчика. Но анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что, субъекты административной юрисдикции, разрешая вопрос о привлечении в дело переводчика, все-таки возлагают на себя бремя по удостоверению в компетентности переводчиков, как правило, путем оценки документов, подтверждающих профильное образование и квалификацию переводчика звучащего языка и (или) доверенности переводческих организаций, а при оценке компетентности переводчика жестового языка — документов о профильном образовании и квалификации, и (или) направления (удостоверения, рекомендации) Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество глухих» (далее — ВОГ) или территориального органа социальной защиты населения.

По мнению О. Ю. Кузнецова «участие в деле переводчика должно быть документально подтверждено во всех его материалах, закрепляющих содержание и результаты процессуальных действий, осуществленных при его лингвистической поддержке» [1, с. 80]. В противном случае законность участия переводчика в производстве по делу об административном правонарушении может быть поставлена под сомнение, а вследствие этого — и исход всего дела. Но, такие правовые установления отсутствуют в КоАП РФ, чем и пользуются в правоприменительной деятельности те субъекты административной юрисдикции, которые отказывают в удовлетворении жалоб о некомпетентности переводчика (см., например, решение Курганского областного суда от 07.05.2018 по делу № 71-80/2018).

Но позволяет ли такой подход в урегулировании вопроса об удостоверении субъектом административной юрисдикции в компетентности переводчика, который используется на практике, обеспечить привлечение в дело именно компетентного переводчика? Возможно было бы дать утвердительный ответ на данный вопрос, если компетентность переводчика оценивается уполномоченными на то лицами (например, членами экзаменационных комиссий при проведении итоговой аттестации по результатам освоения соответствующих профильных программ СПО, ВО, ДПО), переводческими организациями,

ВОГ, территориальными органами социальной защиты, с которыми переводчики состоят в трудовых или гражданско-правовых отношениях).

При оценке компетентности переводчиков, в том числе их когнитивных, аффективных, волевых качеств, уполномоченные на то субъекты руководствуются, в том числе ФГОС ВО по направлениям подготовки 44.03.03, 44.04.03, 45.03.02, ФГОС СПО по специальности 39.02.02, ГОСТ Р 57636-2017, Единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и прочее.

При этом, требования к образованию и обучению, а также опыту практической работы переводчиков установлены в настоящее время профессиональными стандартами:

1) Профессиональным стандартом «Тифлосурдопереводчик» (утвержден Приказом Минтруда России от 17.10.2016 № 575н), который, в том числе, устанавливает требования к образованию и обучению, а также опыту практической работы тифлосурдопереводчика, при реализации обобщенной трудовой функции «Деятельность по организации коммуникации в социуме граждан с одновременными нарушениями зрения и слуха»;

2) Профессиональным стандартом «Специалист в области перевода» (утвержден Приказом Минтруда России от 18.03.2021 № 134н), который, в том числе, устанавливает требования к образованию и обучению, а также опыту практической работы специалистов в области перевода при реализации обобщенной трудовой функции «Профессионально ориентированный перевод»;

3) Профессиональным стандартом «Переводчик русского жестового языка» (утвержден Приказом Минтруда России № 13н от 14.01.2022 № 13н), который, в том числе, устанавливает требования к образованию и обучению, а также опыту практической работы переводчиков русского жестового языка при реализации обобщенной трудовой функции «Профессионально ориентированный перевод русского жестового языка». Согласно подразделу 3.2 ПС «Переводчик русского жестового языка» к переводу в судебных процессах, при проведении дознавательных и следственных мероприятий, при совершении нотариальных действий, в учреждениях пенитенциарной системы допускаются переводчики русского жестового языка I или II категории, а также переводчиками-субтитровщиками русского жестового языка.

Согласно ст. 195.3 ТК РФ профессиональные стандарты обязательны для применения работодателями. При условии, что

переводческие организации или ВОГ, с которыми переводчики, как работники данных организаций, состоят в трудовых отношениях, должным образом реализуют возложенную на них ст. 195.3 ТК РФ обязанность, то по запросу субъектов административной юрисдикции для участия в производстве по делу об административном правонарушении будут направлены те переводчики, которые соответствуют указанным выше требованиям, предъявляемым к образованию и обучению, а также опыту практической работы переводчика.

Но, тем не менее, даже принятие указанных выше профстандартов не решило проблему специализации переводчиков в области судебного перевода (исключение — Профессиональным стандартом «Переводчик русского жестового языка»). Также остается не урегулированной проблема удостоверения в компетентности переводчиков, у которых отсутствуют соответствующее профильное образование и (или) опыт практической работы в качестве переводчика.

По мнению сторонников введения специального института судебных переводчиков (например, Е. М. Александровой, А. А. Ларина, Л. Б. Обидиной, В. В. Сдобникова, И. В. Щербининой и др.) проблему удостоверения в компетентности переводчика, возможно было бы урегулировать Положением о судебном переводчике, который был разработан Союзом переводчиков России. Но, несмотря на всю злободневность проблемы легализации деятельности судебных переводчиков, данное Положение не утверждено.

Полагаем, что правовое установление порядка удостоверения в компетентности переводчика, как необходимой составляющей механизма обеспечения права на услуги переводчика, должно стать следствием создания института аттестованных переводчиков, специализирующихся в области судебного перевода, т. е. судебных переводчиков. Ответственным ведомством, уполномоченным проводить аттестацию и осуществлять контроль за деятельностью судебных переводчиков, могло бы выступить Министерство юстиции Российской Федерации.

В случае создания в России института судебных переводчиков, считаем, что КоАП РФ должен предусматривать первоочередность привлечения к исполнению перевода именно судебных переводчиков. Но, в тоже время КоАП РФ не должен исключать возможность привлечения к исполнению перевода и иных переводчиков, в том числе переводчиков имеющих профильное образование и опыт

работы в качестве переводчика, а также иных лиц, не имеющих профильного образования, но способных эффективно осуществлять деятельность по переводу языка производства по делу об административном правонарушении и языка, который выбрал участник производства, не владеющий (в недостаточной мере владеющий) языком производства. Лингвистическая поддержка со стороны указанной категории переводчиков должна быть исключением из правила, продиктованным невозможностью привлечь для участия в деле судебного переводчика. Данное предложение автора основано на опыте США, где доступность языка для участников судебного процесса обеспечивается участием в деле переводчиков, которые законодательно делятся на следующие категории: сертифицированные, профессионально квалифицированные переводчики и переводчики, владеющие языком [5, с. 118].

Российская действительность такова, что в нашем государстве «практически не возможно прогнозировать потребность в судебных переводчиках тех или иных языков, а следовательно, и осуществлять их централизованную подготовку» [5, с. 117]. В связи с данным обстоятельством, так или иначе, но на практике может возникнуть проблема отсутствия или нехватки судебных переводчиков, в том числе, для участия в производстве по делу об административном правонарушении, конституционном, уголовном, административном судопроизводствах. Поэтому, мы и считаем, что закон должен предусмотреть возможность участия в деле об административном правонарушении и «иных переводчиков», чем судебные переводчики, но, повторимся, только как исключение из правила. В этом случае, удостоверяться в компетентности переводчика должен будет субъект административной юрисдикции, используя, например формальные критерии оценки компетентности переводчика, которые предлагает применять О. Ю. Кузнецов в уголовном судопроизводстве [1].

Еще один из злободневных вопросов обеспечения права пользоваться услугами переводчика, который не урегулирован на уровне нормотворчества — это поиск переводчика. На практике используются следующие варианты поиска переводчика:

1) лицо, которое заявило ходатайство о переводчике, предлагает собственного кандидата в переводчики (как правило, это родственники, друзья, а также переводчики, услугами которого ранее пользовалось данное лицо и т. д.);

2) субъект административной юрисдикции обращается в переводческую организацию, национальные диаспоры, или, когда необходим переводчик жестового языка — в ВОГ, используя, как правило, личные или профессиональные связи.

Но, при осуществлении поиска переводчика необходимо решить следующие задачи:

- во-первых, оперативность поиска;
- во-вторых, привлечение в дело компетентного переводчика.

Эффективное решение перечисленных задач может осложняться разными факторами. Например, участник производства по делу владеет редким для нашего государства языком звучащим или иным чем русский жестовым языком. Или, возникли проблемы перевода, например, с цыганского языка, которые могут быть вызваны неграмотностью цыган, лингвистическим многообразием цыганской речи и пр.

В подобных ситуациях задачу по оперативному поиску переводчика, возможно было бы решить путем создания единой информационной базы, в которой бы содержались сведения о переводчиках, соответствующих требованиям, установленным как минимум профстандартами «Специалист в области перевода», «Переводчик русского жестового языка», «Тифлосурдопереводчик». Следует заметить, что авторы проекта Положения о судебном переводчике и сторонники легализации деятельности судебного переводчика предлагают создание такой единой информационной базы в России как Реестр судебных переводчиков.

Заключение

Таким образом, надлежащее обеспечение права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях прежде всего зависит от качества правовых установлений. Но, в результате исследования проблемных аспектов механизма обеспечения права пользоваться услугами переводчика, установлено, что нормы действующего КоАП РФ не урегулировали вопросы привлечения в производство по делу переводчика по инициативе субъекта административной юрисдикции, удостоверения в компетентности переводчика, поиска переводчика, что негативно сказывается

на качестве обеспечения права пользоваться услугами переводчика. В связи с чем, систематизируя представленные в данном исследовании предложения по устранению выявленных пробелов в вопросах правового регулирования обеспечения права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях, предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ и дополнений ч. 1.1 и 1.2 указанной статьи:

«1. В качестве переводчика может быть привлечено обладающее статусом судебного переводчика не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, компетентность которого позволяет осуществить деятельность по переводу языка производства по делу об административном правонарушении и языка, избранного участником производства, не владеющим или в недостаточной мере владеющим языком производства. При отсутствии возможности привлечения для участия в деле судебного переводчика, в качестве переводчика может быть привлечено иное лицо, продемонстрировавшее суду, органу, должностному лицу компетентность переводчика.

1.1. В целях обеспечения учета переводчиков, соответствующих требованиям к образованию и обучению, а также опыту практической работы переводчиков, установленных профессиональными стандартами, формируется Единый государственный реестр переводчиков, ведение которого осуществляется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

1.2. Суд, орган, должностное лицо привлекают к участию в производстве по делу об административном правонарушении переводчика по ходатайству участника производства, а при отсутствии ходатайства — по своей инициативе, если будет установлено, что участник производства не владеет, или в не достаточной мере владеет языком производства по делу об административном правонарушении».

Полагаем, что представленные предложения актуальны в том случае, если в Российской Федерации все-таки будет разрешен вопрос о легализации деятельности судебных переводчиков.

Список источников

1. Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве : монография. Москва : Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.
2. Жолобов Я. Б. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проблемы и пути их решения // Судья. 2015. № 6. С. 31–36.

3. Волосова Н. Ю., Шмелева Е. С. О проблеме определения компетенции переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 128–134.
4. Большакова З. М., Тулькибаева Н. Н. Компетенции и компетентность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 24. С. 13–19.
5. Винников А. В. Судебный и полицейский перевод: уроки мировой практики // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2 (11). С. 114–123.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 09.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 21.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.
